

УДК 930(470.67)
ББК 63.3(2Р-6Д)716
К-15

Каймаразов Гани Шихвалиевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, e-mail: kaymarazova@mail.ru, т.: 8(928)9412806;

Каймаразова Лейла Ганиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, e-mail: kaymarazova@mail.ru, т.: 8(928)9412806

**УЧИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ДАГЕСТАНА
НА ПЕРЕЛОМЕ (КОНЕЦ 1920-х – НАЧАЛО 1930-х гг.)
(рецензирована)**

В статье на основе новых архивных источников и с учетом историографических наработок отражена деятельность учительства и общеобразовательной школы Дагестана на рубеже 1920-1930-х гг. Показана роль учителей в осуществлении школьной политики Советского государства в условиях многонационального региона, значительного влияния на население мусульманского духовенства в период введения всеобщего обязательного начального обучения и перехода от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию в школе.

Ключевые слова: Дагестан, многонациональный регион, общеобразовательная школа, учительство, мусульманское духовенство, антирелигиозное воспитание.

Kaimarazov Ghani Shikhvalievich, Doctor of Historical Sciences, professor, a chief researcher of the New and Newest History Department of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: kaymarazova@mail.ru, t.: 8 (928) 9412806;

Kaymarazova Leila Ghanievna, Candidate of Historical Sciences, a leading researcher of the Department of New and Newest History of Dagestan Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: kaymarazova@mail.ru, t.: 8 (928) 9412806.

**TEACHERSHIP AND AN EDUCATIONAL SCHOOL OF DAGHESTAN ON THE
THRESHOLD**

(the end of 1920s- the beginning of 1930s)

(reviewed)

The article reflects the activities of teachers and general education schools of Dagestan at the turn of the 1920s - 1930s on the basis of new archival sources and taking into account historiographic developments The role of teachers in the implementation of the Soviet state school policy in a multinational region and a significant impact of the Muslim clergy on the population during the introduction of universal compulsory primary education and the transition from non-religious to anti-religious education in school are shown.

Key words: *Dagestan, a multinational region, a comprehensive school, teachership, Muslim clergy, anti-religious education.*

Статус, положение и деятельность учителя в первые десятилетия советской власти, когда в стране утверждалась и развивалась советская система образования, начинался переход ко всеобщему начальному обучению, способствовали восприятию его населением в качестве проводника политики Советского государства. Деятельность учителей простиралась далеко за пределы школы: они участвовали в радикальном переустройстве общества, в частности, в коллективизации, культурной революции, в формировании нового советского образа жизни и личности, убежденной, что социализм – высшее достижение человечества. Таким образом, учительская деятельность, по призыву В.И. Ленина, прозвучавшему в 1918 г. на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, связывалась с задачей «социалистической организации общества» [8, с. 420].

Разные аспекты деятельности дагестанских учителей в обозначенный период получили освещение в трудах Г.Ш. Каймаразова [3; 4], А.Р. Исмаилова [2], М.Я. Мирзабекова [9; 10] и др. Интереснейшие факты из жизни и работы учителей республики в эти годы изложены на страницах коллективной монографии «Школьное образование в Дагестане» [26].

В последние годы многие вопросы функционирования советской общеобразовательной системы в 1920-1930-е гг. становились темой научного интереса как отечественных (Т.Ю. Красовицкая [6], А.Ю. Рожков [11], И.А. Курляндский [7]), так и зарубежных исследователей (Ларри Холмс [28], Юинг Е. Томас [27]).

В то же время ряд проблем, связанных с работой советской школы и деятельностью учителей получили лишь фрагментарное освещение в историографии, в том числе, в региональной. Цель настоящей статьи – показать, какое место в жизни дагестанского общества органы власти Дагестана отводили учителю и как в дагестанской советской школе с ее спецификой, обусловленной многонациональностью региона и значительным влиянием мусульманского духовенства, начинался процесс замены безрелигиозного воспитания антирелигиозным.

В годы первой советской пятилетки (1928-1932 гг.) в Дагестане, как и во всей стране, осуществлялась политика ускоренного промышленного развития, коллективизации и культурной революции. Пятилетний план развития народного хозяйства Дагестанской АССР разрабатывался с учетом значительного отставания ее культурного уровня от центральных районов страны. В числе важнейших задач для республики оказались преодоление этого отставания, «развитие национальной культуры дагестанских народностей» и «борьба с враждебными коммунизму влияниями (духовенство, духовная школа и т.д.)» [3, с. 51].

Планомерное расширение сети советских общеобразовательных школ, ограничение традиционных мусульманских школ, а также связанное с этим процессом ослабление влияния на население духовенства, сильно его тревожило и побуждало к ответным действиям. На объединенном пленуме Дагестанского обкома и Контрольной комиссии КП (б) в феврале 1928 г. при обсуждении вопроса о мусульманском духовенстве народный

комиссар внутренних дел республики К. Мамедбеков отметил, что на начало года в Дагестане имели место 20 выступлений против советских школ [4, с. 124].

В этих условиях статус учителей, выполнявших роль посредников между советской властью и населением, был значимым. В то же время положение учителей, особенно в дагестанском селе, где в 1929 г. их численность более чем в 5 раз превышала число учителей в городах республики [14, л. 8], было непростым. Власть требовала от учительства, помимо осуществления профессиональной деятельности, активного участия в культурной и общественной работе, в разъяснении населению сути политики коллективизации. Бывало, что учителя, наряду с партийными и советскими работниками, становились участниками классовой борьбы в деревне и подвергались физической расправе.

В отчете краевой бригады культсанштурма, выехавшей в начале 1930-х гг. с проверкой в Кайтагский район Дагестанской АССР, говорилось о сложных условиях работы местных учителей. Так, в с. Дюбек кулаки стреляли в окно с намерением убить заведующего местной школой, а сын крупного кулака, председатель Дюбекского сельсовета К. Магомедов организовал засаду, чтобы убить учителя И. Ибрагимова, отправленного из райцентра в село с заданием собрать сведения о бездействии председателя во время проведения культпохода [19, л. 8].

Советская власть принимала меры, чтобы при подобных обстоятельствах защитить учителей-активистов. В 1929 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР определил убийство, избиение или преследование учителей-активистов как «террористические акты», которые «противодействуют культурной, общественно-полезной деятельности учителей» и «совершаются на почве классовой борьбы в деревне» [28, с. 28].

С другой стороны, учителя нерегулярно получали заработную плату, плохо снабжались продуктами питания и необходимыми промышленными товарами. Оказавшись в безвыходной ситуации, они обращались к зажиточным сельчанам за приобретением продуктов в кредит и попадали в зависимость от упомянутой части сельских жителей. А это, в свою очередь, не могло не сказываться на степени активности учителей в мероприятиях по социалистическому переустройству села.

Зачастую активность или индифферентность учителей зависела от их социального происхождения и умения адаптироваться к новым условиям жизни. В июне 1930 г. Культпропотдел ДК ВКП (б) ознакомившись с работой отдела народного образования Ботлихского района, в своем отчете отметил, что «состав учительства засорен, большинство – чуждый элемент, что отражается на учащих тех школ, где учительство окутано религиозным дурманом» [18, л. 50] и предложил этих учителей заменить «выдержанными», «как социально, так и политически» [18, л. 51].

30 мая 1929 г. на объединенном заседании ДК и ДКК ВКП (б) обсуждался вопрос об антисоветской деятельности духовно-кулацкой группировки с. Унцукуль Аварского округа. Согласно обзору СО ДООГПУ (Секретный отдел Дагестанского отделения Объединенного государственного политического управления), ее руководитель шейх Ибрагим Магомед оглы Унцукульский вел агитацию против мероприятий советской власти, а с 1925 г., используя свое влияние и авторитет среди местного населения, перешел к открытым призывам против советских школ. «... Советская власть открывает свои советские школы и закрывает религиозные школы, установленные законами шариата

... Честный мусульманин не должен отдавать своих детей учиться в совшколу, а также не должен допускать открытия советских школ на селе, наоборот, долг каждого из нас укрепить духовные школы медресе и побольше открывать новых ...» [15, л. 188]. Ибрагим Магомед оглы Унцукульский со своим помощником планировал выпустить специальную брошюру, в которой, используя выдержки из Корана и некоторых сочинений Н. Гоцинского, намеревался рассказать о вреде советских и пользе мусульманских школ. К этой работе были привлечены и учителя медресе [15, л. 196].

Не менее сложным оказалось положение в южных районах Дагестана – Касумкентском, Курахском и Табасаранском, где в ответ на проводимую политику форсированной коллективизации и закрытия мечетей (и это несмотря на постановление ДК ВКП (б) о невзимании мечетей!) весной 1930 г. вспыхнуло антисоветское восстание. В рядах восставших, наряду с явными противниками советской власти, оказались середняки, бедняки и даже часть коммунистов, комсомольцев, учителей.

Органы власти анализировали ситуацию, стараясь понять, какие просчеты были допущены в их действиях, и почему эти категории населения выступили против советской власти. В мае 1930 г. на заседании бюро ДК ВКП (б) ответы на эти вопросы пытался найти ответственный секретарь областного комитета ВКП (б) А. Муравьев. «Если коммунисты, учителя в этом выступлении являются участниками, – говорил он, – то значит вопрос стоит о всей нашей системе народного просвещения ... Вся учеба наша шла поверхностно, ибо она была неуяснима учительством, мы не могли противопоставить нашу пропаганду, и учитель оказался не на нашей стороне» [17, л. 204].

Правда, дело было не только в ошибках, допущенных властью, но и в самом учительстве, вернее в его составе. «... Учительство по своему социальному положению представляет довольно пеструю картину, – годом раньше, в апреле 1929 г., на X-й Дагестанской областной партийной конференции говорил первый секретарь ДК ВКП (б) М. Далгат. – Причем чуждого элемента, идеологически настроенного враждебно к нам, среди учительства имеется значительное количество, особенно среди аульского учительства, потому что среди них есть бывшие арабисты, кадии, муллы и т.д., идеологически совершенно нам чуждые» [14, л. 18]. А нарком просвещения республики А. Тахо-Годи проведя сравнение, сообщил, что если в центральных районах страны на долю выходцев из семей священнослужителей приходилось 30-40 % педагогов, то в Дагестане – 60-70 % [14, л. 48].

Местному населению не просто было принимать новые, советские, порядки. Родители боялись потерять влияние на своих детей, утратить привычные уклад жизни и систему ценностей. В этих условиях учителям отводилась роль пропагандистов новой жизни, поскольку они могли показать и доказать ее преимущества, став посредником между традиционными ценностями и советской системой. Все чаще учителя на селе выступали активными участниками образовательных кампаний государства (всеобщая ликвидация неграмотности (ликбез) и др.), содействовали осуществлению преобразований на селе. А. Тахо-Годи писал: «Общественная работа учителя выражается в участии его в кооперации, в аульских обществах взаимопомощи, в работе его в комсомоле, в клубах и т.д.» [12, л. 24 об.].

Учителя избирались членами местных советов. К примеру, уже в 1927 г. рост общественно-политической активности сельской интеллигенции (учителя, врачи,

агрономы) выразился в вовлечении ее в органы низового советского аппарата: в сельские советы вошло 206 учителей, врачей и агрономов, или 1,5 % от состава советов [20, л. 168]. Учителя проявляли активность в проведении предвыборной кампании. В марте 1928 г. Председатель ЦИК ДАССР Н. Самурский отметил, что учителя, врачи, агрономы повсеместно поддерживали бедняцко-средняцкий блок и «тем самым заслужили доброжелательное отношение к себе со стороны избирателей, подтверждающееся выборами представителей сельской интеллигенции в органы власти» [13, л. 166].

От учителей власть ждала активного участия и в антирелигиозной работе, что к концу 1920-х гг. становилось все более актуальным. Еще в середине 1920-х гг., а точнее в июне 1925 г., ЦК РКП (б), обеспокоенный состоянием образования в республике и влиянием на него мусульманского духовенства, призвал дагестанских коммунистов усилить работу по борьбе с духовенством за массы, и делать это не с помощью антирелигиозной пропаганды, а «на основе советской и общественной работы по улучшению материального положения крестьян» [5, с. 131-132].

В конце же 1920-х гг., в условиях наступления советской власти на местное духовенство, в частности, вытеснения религиозных школ, упразднения шариатских судов, изъятия государством важнейшего источника доходов мусульманского духовенства – вакуфов, и, как следствие, нарастания недовольства служителей культа, акцент смещался в сторону усиления антирелигиозной работы.

14 февраля 1929 г. вышло циркулярное письмо за подписью секретаря ЦК ВКП (б) Л. Кагановича о мерах по усилению антирелигиозной работы, адресованное всем ЦК национальных компартий, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам. Наркомпросу РСФСР предписывалось «взять более решительный курс по преодолению элементов нейтралитета школы к религии, выражающегося в т.н. безрелигиозном воспитании, поручив ему поставить серьезнейшим образом антирелигиозную подготовку и переподготовку учителей, особенно школ повышенного типа, ввести соответствующий антирелигиозный цикл в техникумы и в педвузы, ввести таковой в свои заочные курсы, разработав методы антирелигиозной пропаганды в школе, внести соответствующие поправки к программам школы» [1].

Наркомат просвещения РСФСР приступил к созданию нормативно-методической базы по введению в школах антирелигиозного воспитания вместо безрелигиозного, которое осуществлялось с 1918 г. в соответствии с декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви. Если безрелигиозное воспитание подразумевало материалистическое естественнонаучное просвещение и формирование у школьников атеистического мировоззрения, то антирелигиозное предполагало вовлечение школы в активную борьбу с религией и церковью и воспитание у учащихся резко негативного к ним отношения [25, с. 208].

Выступая на XIV Всероссийском съезде Советов в мае 1929 г., нарком просвещения А.В. Луначарский пояснил, что безрелигиозное воспитание в школе было обусловлено требованиями политического момента и носило тактический характер. А на втором съезде Союза безбожников в июне 1929 г. народный комиссар просвещения заявил, что пришло время перейти в самое мощное антирелигиозное наступление в области школы, и одним из важных направлений при этом А.В. Луначарский считал организацию атеистического учительства.

Об организации антирелигиозной работы не только в стенах школы, но и за ее пределами речь шла на конференции Дагестанского Совета Союза безбожников с участием преподавателей и учащихся школ повышенного типа и техникумов (6-7 января 1930 г.) [23, л. 2]. Народный комиссар просвещения республики И. Алиев в своем выступлении отметил, что «все учебные заведения, все учебные дисциплины должны неминуемо проникнуться антирелигиозным духом» [23, л. 4]. «Нейтрального преподавания с просветительным подходом в нашей воспитательной работе не должно быть. Каждый педагог должен быть активным безбожником ... Все предметы в наших учебных заведениях можно провести в антирелигиозном духе... Кто этого не хочет делать, тот друг нашего классового врага» [23, л. 20].

Участников конференции, прежде всего учителей, интересовал вопрос о том, как, к примеру, связать преподавание антирелигиозного курса с математикой? Организаторы собрания на этот вопрос конкретного ответа дать не могли и отослали учителей к специальным программам Главсоцвоса. В редакциях программ 1929, а затем 1930 и 1931 гг. религия и церковь позиционировались в качестве врага, и зачастую воспитательная составляющая превалировала над образовательной. К примеру, в программе первого года обучения для школ I ступени антирелигиозный компонент присутствовал в теме «Приготовление к зиме. Жизнь и труд зимой», где говорилось о привлечении детей к участию в антирождественской кампании [25, с. 210]. А ответ на вопрос о том, как связать антирелигиозный курс с преподаванием математики, можно было найти на страницах учебников, где в специальных задачах предлагалось подсчитать количество членов кружка «Юных безбожников» в классе, школе и т.д. [11, с. 138]. Особенно ярко антирелигиозная тематика стала проявляться с 1929 г. в книгах для чтения, подготовленных для сельских и горских школ, где религия имела сильное влияние в детской среде [11, с. 137].

Антирелигиозная работа среди педагогов должна была проводиться в специально созданных кружках, курируемых Союзом работников просвещения (Союз работпрос) и Союзом воинствующих безбожников (СВБ). «Все преподаватели – и русского языка, и естествознания, и других предметов, должны быть созваны, и с ними должна проводиться проработка антирелигиозных тем» [23, л. 27].

Успех антирелигиозной работы во многом зависел от процента верующих учителей в учебных заведениях. Со ссылкой на данные служителей религиозного культа на конференции была озвучена цифра 65 % [23, л. 38]. Понятно, что сразу решить проблему организации атеистического учительства не получалось «в силу векового воспитания, в силу того, что наше учительство, старая часть учительства училась и воспитывалась в старой, буржуазной школе, в буржуазном университете, где преподавался на каждом уроке Закон Божий» [23, л. 39]. «Надо будет принимать меры воспитательного характера. Для этого надо привлечь лучшую часть нашего учительства, которое стало антирелигиозным; надо привлекать их в кружки и постепенно разъяснять религиозно настроенным сущность религии. Если это не удастся, то надо будет им сказать: вам с нами не по пути ... Нам религиозные учителя в наших школах абсолютно не нужны» [23, л. 49].

Эффективность антирелигиозной работы напрямую связывалась с новыми учительскими кадрами, но требовалось время, чтобы они заняли ведущие позиции в советской школе. «Когда они кончат школу, поступят в педагогический вуз, кончат его,

тогда мы их призовем к себе ... А теперь давайте потерпим, будем заниматься религиозными учителями, пока не создадим новые кадры ... Никакие меры к верующим учителям приниматься не будут, а будем вести разоблачительную работу ...» [23, л. 50].

Перед школьными учителями ставилась задача «оттянуть от церкви» значительную часть родителей учащихся, чтобы они и их дети в дни религиозных праздников шли вместе с учителями в клубы, театры и т.д. К примеру, более чем за месяц до православного христианского рождества, 23 ноября 1928 г., Центральный Совет Союза безбожников СССР разослал местным отделениям письмо об организации антирождественской кампании в школе. Ее цель заключалась в отвлечении учащихся всех возрастных групп от участия в религиозных праздниках, для чего в эти дни предлагалось проводить с ними беседы о вреде религии, организовывать интересный досуг, чтобы воздействовать «на эмоциональную сторону их жизни». В этих мероприятиях большая роль отводилась школьным учителям: «Все это можно сделать лишь тогда, когда в этой работе примут участи сами педагоги» [21, л. 84]. Учителя школы №5 г. Махачкалы в октябре 1929 г. запланировали беседы о происхождении человека и истории религии, о вреде поста и национальной политике советской власти, организацию завтрака в школе и посещение киносеанса, чтобы отвлечь школьников от празднования религиозных еврейских праздников – Нового года и Судного дня [22, л. 21].

Для усиления работы Наркомпроса республики по организации антирелигиозного воспитания учащихся, в июне 1929 г. совещание пропагандистов и заведующих агитпропделами предложило включить элементы антирелигиозного воспитания в программы учебных заведений и в срочном порядке разработать мероприятия по борьбе с духовными школами и работе школ в дни религиозных праздников [16, л. 194-195].

С начала 1930-х гг. активизировалась работа по отвлечению населения и учащихся школ от мусульманских религиозных праздников. В практику вошла рассылка циркулярных писем Дагестанским обкомом ВКП (б) горкомам и райкомам в связи с приближающимися праздниками Ураза-байрам и Курбан-байрам. К примеру, чтобы ограничить влияние агитации кулаков, духовенства и «прочих антисоветских элементов» против мероприятий по социалистическому строительству накануне праздника Курбан-байрам, партийная организация Дагестана призывала развернуть массовую разъяснительную работу в колхозах, совхозах, на предприятиях, в школах, аулах, среди женщин-горянок. В «антикурбан-байрамовской кампании» должны были принять участие все культурные силы – пропагандисты, комсомольцы, агрономы, врачи и, конечно же, учителя [20, л. 6].

Стараясь отвлечь население от религиозных праздников, партийное и советское руководство популяризировало новые, советские праздники, в частности, 1 мая – международный пролетарский праздник. В преддверии советских праздников Дагобком ВКП (б) рассылал письма с планом мероприятий по их подготовке и проведению, важная роль в которых отводилась школам, школьным работникам, учителям [20, л. 50]. Атмосфера политического праздника создавалась и в дни выборов в органы советской власти. В ходе предвыборной кампании под руководством Наркомпроса республики учителя организовывали курсы, лекции, вели политическую и антирелигиозную работу «с учетом местных условий» [24, л. 45].

Таким образом, конец 1920-х – начало 1930-х гг. стали переломными в деятельности дагестанского учительства и общеобразовательной школы. На этой деятельности в значительной мере сказались специфика полиэтничного, многоязычного Дагестана, исторические традиции его народов. На темпы прогресса образования, да и не только образования, наряду с другими факторами, негативно повлияла затянувшаяся на многие годы дискуссия о национально-языковом строительстве. Но, несмотря на огромные трудности – острую нехватку квалифицированных учительских кадров, материально-финансовых ресурсов, допускаясь властью ошибки и деформации, сопротивление противников новой советской школьной системы, – общеобразовательная школа развивалась, а учительство Дагестана пополнялось новыми специалистами. Государство с каждым годом увеличивало расходы на образование и культуру. К концу первой пятилетки (1932 г.) в республике, как и в стране в целом, в основном было введено всеобщее обязательное начальное обучение.

Литература:

1. Из циркулярного письма ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110>. Дата обращения 7.08.2018 г.
2. Исмаилов А.Р. Ликвидация неграмотности в Дагестане: к 50-летию Ленинского декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1970. 135 с.
3. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане. 1920-1940 гг. Махачкала: Типография ДагФАН СССР, 1960. 183 с.
4. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 2007. 464 с.
5. Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана // Ислам и исламская культура в Дагестане. Москва: Восточная лит-ра, 2001. С. 130-137.
6. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века-начало (20-е годы) XX в.). Москва: Новый хронограф, 2011. 680 с.
7. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). Москва: Кучково поле, 2011. 701 с.
8. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов (5 июня 1918 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. (+3 справочных тома). Т. 36. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 420-421.
9. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Бари, 1998. 308 с.
10. Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX в. - 30-е гг. XX в.). Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. 354 с.
11. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. 2-е изд. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 640 с.

12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 967.
13. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1005.
14. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1102.
15. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1123.
16. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1125.
17. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1287.
18. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1550.
19. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1830.
20. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2898.
21. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 1. Д. 3 а.
22. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 3. Д. 43.
23. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 4. Д. 7 а.
24. ЦГА РД. Ф. 60-р. Оп. 10. Д. 20.
25. Шевченко В.А. Советская школа: переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927-1929) // Новый исторический вестник. 2007. №16. С. 207-213.
26. Школьное образование в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. 367 с.
27. Юинг Е. Томас. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. Москва: РОССПЭН: Фонд Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 358 с.
28. Larry E. Holmes. The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia, 1917–1931. (Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies). Bloomington: Indiana University Press. 1991. Pp. xv, 214.

Literature:

1. *From the circular letter of the Central Committee of the CPSU (b) "On measures to strengthen anti-religious work."* Electronic resource: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110>. Date of application: 7.08.2018
2. Ismailov A.R. *Elimination of illiteracy in Dagestan: to the 50th anniversary of the Lenin's Decree "On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR"*. Makhachkala: Printing house of DagFAN USSR, 1970. 135 p.
3. Kaymarazov G.Sh. *Cultural construction in Dagestan. 1920 – 1940*. Makhachkala: Printing house of DagFAN USSR, 1960. 183 p.
4. Kaymarazov G.Sh. *Education and science in Dagestan in the XX century*. Makhachkala: Dagestan Publishing house, 2007. 464 p.
5. Kakagasanov G.I. *Religious Muslim (mosque) schools of Dagestan // Islam and Islamic culture in Dagestan*. M.: Eastern literature, 2001. P. 130-137.
6. Krasovitskaya T.Yu. *Modernization of the Russian educational space. From Stolypin to Stalin (the end of XIX century – the beg. (20s) of XX century)*. M.: Novy chronograph, 2011. 680 p.
7. Kurlandsky I.A. *Stalin, power, religion (religious and ecclesiastical factors in the domestic polity of the Soviet state in 1922-1953)*. M.: Kuchkovo Pole, 2011. 701 p.

8. Lenin V.I. *Speech at the First All-Russian Congress of Internationalist Teachers (June 5, 1918)* // *Lenin V.I. Complete Works: in 55 vol. (+3 reference volumes). V. 36. 5th ed. M.: Publishing House of political literature, 1970. V. 36. P. 420-421.*

9. Mirzabekov M.Ya. *Culture of a Dagestan village. XX century: history, problems. Makhachkala: Bari, 1998. 308 p.*

10. Mirzabekov M.Ya. *Modernization processes in the culture of the peoples of Dagestan (the 90s of the XIX century - the 30s of the XX century). Makhachkala: Nauka DSC, 2010. 354 p.*

11. Rozhkov A.Y. *Among the agemates. The life world of a young man in the Soviet Russia of 1920s. 2nd ed. M.: New Literary Review, 2016. P. 138. 640 p.*

12. *Central State Archive of the Republic of Dagestan (CSA RD). F. 1 p. Op. 1. D. 967.*

13. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1005.*

14. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1102.*

15. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1123.*

16. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1125.*

17. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1287.*

18. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1550.*

19. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 1830.*

20. *CSA RD. F. 1 p. Op. 1. D. 2898.*

21. *CSA RD. F. 238-p. Op. 1. D. 3 a.*

22. *CSA RD. F. 238-p. Op. 3. D. 43.*

23. *CSA RD. F. 238-p. Op. 4. D. 7 a.*

24. *CSA RD. F. 60-p. Op. 10. D. 20.*

25. Shevchenko V.A. *Soviet school: transition from non-religious education to anti-religious one (1927 - 1929)* // *New historical bulletin. 2007. № 16. P. 207 - 213.*

26. *School education in Dagestan. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1968. 367 p.*

27. Yuing E. Thomas. *Teachers of the Stalinist era: power, politics and school life of the 1930s. Moscow: ROSSPEN: Foundation of the Presidential Center of B.N. Yeltsin, 2011. 358 p.*

28. Larry E. Holmes. *The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia, 1917–1931. (Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies). Bloomington: Indiana University Press. 1991. P. xv, 214.*